

УДК 327.5

Дмитрий ДАНИЛОВ

СИРИЯ: ГЕОПОЛИТИЧЕСКАЯ АЛХИМИЯ

***Аннотация.** В статье рассматриваются мотивы военной атаки, предпринятой США, Великобританией и Францией по Сирии 14 апреля 2014 г. под предлогом ответа на применение «режимом Асада» химического оружия в Восточной Гуте. Политические цели и мотивации военной атаки анализируются в контексте видимых и возможных последствий не только для сирийского урегулирования, но и в широком геополитическом контексте. Особое внимание уделено «дилеммам стратегического партнерства» США – Европа и нарастающим противоречиям в рамках трансатлантических отношений.*

***Ключевые слова:** Сирия, военная атака, США, Трамп, ЕС, Германия, Россия, трансатлантические отношения.*

Ракетные удары, нанесенные ВВС и ВМС США, Великобритании и Франции по «ограниченному числу объектов» (по трем целям) в Сирии в ночь на 14 апреля 2018 года, не стали неожиданными. Во-первых, Вашингтон «предупреждал», что готов к атаке. Во-вторых, вероятность такого военного ответа на недоказанное применение «режимом Асада» химического оружия в Восточной Гуте изначально была высоко вероятной, учитывая, что годом ранее, 7 апреля США уже нанесли удар по сирийской авиабазе ВВС Сирии Шайрат, обвинив Асада в применении химоружия в Хан-Шейхуне. В-третьих, Вашингтон предельно ясно продемонстрировал на всех политико-дипломатических площадках, включая Совбез ООН, не только готовность, но и намерения использовать силу. В-четвертых, усилия оппонентов США удержать их от силового решения не рассматривались в Вашингтоне через призму возможных жестких ответов и существенных рисков, военных и политических. В-пятых, напротив, президент Трамп имел все основания рассчитывать на высокий уровень поддержки со стороны союзников и партнеров, включая коалиционные военные действия.

Военные уроки и политические мотивы

Сразу после атаки большинство экспертов сошлись во мнении о том, что ее военный эффект был минимальным с точки зрения ущерба, нанесенного сирийской стороне. При этом одни склонны видеть в этом очевидную ограниченность возможностей США и, тем более их союзников; другие – разумную достаточность применения силы. Российские военные расценивают атаку как низкоэффективную, американские продолжают утверждать, что все цели успешно поражены запланированными средствами. В любом случае, речь идет не столько о применении силы, сколько о ее демонстрации, и различающиеся оценки во многом объясня-

ются информационно-пропагандистскими задачами. Однако за этим скрываются и более серьезные военные уроки, которые должны быть проанализированы по результатам военной акции 14 апреля.

Прежде всего, атака является тестированием в реальных боевых условиях военного потенциала и эффективности – как со стороны атаковавших сирийские объекты, так и со стороны обороны. Важно не только то, насколько «проникаемыми» оказались запланированные цели и эффективными примененные ракетные вооружения и системы ПВО – Соединенным Штатам, очевидно, необходимо было также «прощупать» ТВД и российские возможности (в том числе и во взаимодействии с сирийской армией) в условиях реконфигурации российского военного присутствия в регионе. Это, с свою очередь, в дальнейшем будет приниматься в расчет как при планировании военных действий и активности в регионе, но и шире – в оборонно-плановой деятельности США/коалиции в контексте взаимного военного сдерживания и обеспечения стратегической стабильности. Президент России Владимир Путин на военном совещании 16 мая в Сочи уже сообщил, что корабли с крылатыми ракетами «Калибр» будут нести постоянную боевую вахту в Средиземном море в связи с «сохраняющейся угрозой вылазок международных террористов в Сирии». В ответ Джеймс Фогго, Командующий военно-морскими силами США в Европе и Африке заявил, что присутствие Соединенных Штатов в Европе и выстроенные с союзниками отношения позволят им отреагировать, если их партнерам будет что-то угрожать.¹

Наряду с собственно военными эффектами, которые, конечно, требуют серьезной профессиональной оценки в рамках текущего и будущего военно-политического планирования, необходимо проанализировать политические цели и мотивации военной атаки, принятой евроатлантической тройкой, видимые и возможные последствия не только для сирийского урегулирования, но и в широком геополитическом контексте.

Прежде всего, следует исходить из того, что это не вынужденная реакция на события, а спланированная Белым домом акция, поддержанная его европейскими союзниками. Предполагаемое применение в химического оружия Восточной Гуте (а именно так это событие определяет генсек ООН и его спецпредставитель по Сирии) - лишь предлог, который является частью плана операции. Сам «факт» и, следовательно, задача борьбы с химоружием Вашингтон если и интересуется, то не в первую очередь.

Очевидно, главная политическая мотивация Трампа связана с задачами консолидации евроатлантической платформы под руководством и лидерством США. Эта проблема обострилась вследствие целого ряда обстоятельств. В Европе усилилось ощущение, что Трамп не только следует заявленному им принципу “*America first*”, но и не склонен искать приемлемые балансы с учетом европейских интересов. Все попытки европейцев, канцлера ФРГ А. Меркель, президента Франции Э.Макрона «повлиять» на Трампа фактически оказались безрезультатными. Им не удалось убедить Трампа скорректировать требования по увеличению

¹ Корабли с «Калибрами» заступят на постоянное дежурство в Средиземноморье // Парламентская газета, 16.05.2018. URL: <https://www.pnp.ru/politics/korabli-s-kalibrami-zastupyat-na-postoyannoe-dezhurstvo-v-sredizemnomore.html>

европейских оборонных расходов в рамках НАТО, присоединится к Парижскому соглашению по климату, не выходить из ядерного соглашения с Ираном (СВПД), добиться приемлемых для ЕС условий торгово-экономических отношений, а также учета европейских интересов при введении американских экстерриториальных санкций и т.д.

Эта слабость, в свою очередь, не только становится усиливающимся вызовом для европейских международных экономических и политических интересов, но и расшатывает позиции европейских правящих элит изнутри. Вынужденное следование в фарватере американского внешнеполитического курса или неспособность проявить достаточную самостоятельность и повлиять на него обостряет «дилемму стратегического партнерства»: с одной стороны, в Европе возрастает внутренний протестный потенциал, с другой – увеличивается дефицит инструментов поддержания трансатлантического альянса (а, по существу, удержания американской администрации от его разрушения). Но и Д.Трамп, при всем его унилатерализме, должен считаться с этими вызовами и искать пути и инструменты поддержания партнерства - не только на основе американского доминирования, но и за счет объединения во круг совместных платформ и действий, где это возможно.

«Дилемма стратегического партнерства» стала еще более очевидной в связи с формированием нового коалиционного правительства в Германии, когда встал вопрос о том, каким образом будет формироваться политическая позиция ФРГ в отношениях и с США, и с европейскими партнерами, включая перспективный курс германо-французский политического тандема, в том числе с учетом Брексита и обозначившейся «евроскептической» линией нового итальянского правительства.

Трамп – Европа: Мы за вас, а вы с нами

Решение Вашингтона нанести удар по сирийским объектам в этой связи стало одним из инструментов удержания европейских союзников в русле американской стратегии. Трамп заявил, что пойдет на это вне зависимости от того, поддержат его союзники или нет. Это стало очевидным предупреждением, что Европа не может претендовать на укрепление трансатлантической связки, если откажется от такой поддержки в ситуации, когда она не является сколько-нибудь критичной для США. Не присоединившись к США, Европа только усилила бы американский унилатерализм. Особенно учитывая то, что Трамп изначально встал на сторону Великобритании и солидаризировавшегося с ней Евросоюза по острому политическому вопросу отравления в Солсбери («дело Скрипалей»), увязанному Лондоном и его союзниками с проблемой применения химического оружия в Сирии и обвинениями в этом режима Б. Асада и России.

В результате Д. Трамп добился прогнозируемого эффекта. Великобритания и Франция приняли решение участвовать в операции и, совместно с США, уведомили об этом Евросоюз. Ф. Могерини, Высокий представитель по ОВПБ незамедлительно выступила с Заявлени-

ем¹, в котором выражается фактическая поддержка со стороны ЕС «точечных воздушных ударов». В Заявлении нет прямого одобрения этих действий, что объяснимо с учетом сдержанной позиции ряда государств-членов в отношении использования военных средств и связанной с этим политико-дипломатической культурой Евросоюза. Однако страны ЕС соглашались с «целями» «конкретных мер» - «предотвратить дальнейшее использование сирийским режимом химического оружия и химических веществ в качестве оружия для убийства собственного народа». Более того, Могерини от лица ЕС фактически дает политический кредит Вашингтону на осуществление силовых акций: «ЕС оказывает содействие всем усилиям, направленным на предотвращение использования химического оружия».

Повторная «анти-химическая» акция США в политическом отношении оказалась для них более действенной предыдущий. Заявление ЕС после американской атаки в апреле 2017 году² было весьма сдержанным. Оно по существу сводилось к осуждению использования химоружия, признанию «понятного намерения [США - авт] предотвратить и сдерживать распространение и использование смертоносного химического оружия». Сообщение о том, что Вашингтон информировал союзников о своем «намерении», выглядело как неспособность ЕС каким-то образом повлиять на ситуацию.

Характерно, что американская атака была предпринята сразу по завершению первой Международной конференции по Сирии «Поддержка будущего Сирии и региона», который Евросоюз провел в Брюсселе 4-5 апреля 2017 года. Трамп по существу ясно давал понять «кто в доме хозяин». Причем речь шла не только о сирийском «доме», но и евроатлантическом, и даже больше – об отношениях с другими крупными региональными и мировыми игроками, включая Россию. На май были запланированы первые зарубежные визиты Трампа – в Саудовскую Аравию и Израиль, затем на саммит НАТО, приуроченный к открытию новой штаб-квартиры, и этот график сам по себе заставлял европейцев задуматься о новых американских приоритетах и политических акцентах. После победы в НАТО Трамп переместился на Сицилию для участия в G-7, где объявил об отказе участвовать в Парижском соглашении по климату. Российский вопрос в повестке американской администрации оставался в подвешенном состоянии: Трамп заявил о готовности договариваться с Москвой по важным вопросам, включая Сирию, но в то же время атака по сирийскому аэродрому должна была продемонстрировать его жесткость и даже бескомпромиссность (*America first*) – и России, и европейским союзникам, и критикам в США, где раскручивались расследования о «российских следах» электоральной кампании Трампа. Однако растерянная, размытая реакция ЕС на атаки авиабазы Шайрат позволила, вероятно, Вашингтону сделать два вывода. Первый – «проглотили», а значит можно и дальше применять проверенный инструмент. Второй – продолжать «держаться на крючке» европейских союзников, не ослабляя хватку и наращивая давление. В том числе, не позволяя Европе не только неконтролируемую самостоятельность, но и

¹ Заявление Верховного Представителя ЕС Федерики Могерини от имени Европейского Союза в связи с ударами по Сирии. Bruxelles, Statements on behalf of the EU, 14/04/2018 - 12:26, UNIQUE ID: 180414.

² Declaration by the High Representative on behalf of the EU on the US strike in Syria. PRESS RELEASE 197/17. 07/04/2017. URL: <http://www.consilium.europa.eu/en/press/press-releases/2017/04/07/hr-declaration-us-strike-syria/>

блокируя на перспективу усилившуюся мотивацию ряда стран ЕС/НАТО к нормализации отношений с Россией, как с учетом их национальных интересов, так и признания ее геополитической значимости.

Таким образом, Вашингтон, в преддверии второй Брюссельской конференции по Сирии (24-25 апреля 2018 г.) и предстоящей девятой встречи высокого уровня по Сирии в Астане (14-15 мая 2018 г.), предпринял очередную атаку, которая вполне логично вписывается в его геополитические мотивации. И на этот раз, Трампу, действительно, удалось еще прочнее связать европейцев американскими правилами игры, о чем ясно свидетельствует поддержка, выраженная Евросоюзом в отношении действий США. Это особенно важно в контексте подготовки к очередному саммиту НАТО, стержневой задачей темой которого станет, как заявил генеральный секретарь НАТО Йенс Столтенберг, «еще больше укрепить связь между Европой и Северной Америкой, на которой основан наш альянс, поскольку мы продолжаем адаптировать его к задачам XXI века».¹ На встрече со Столтенбергом в Белом доме 17 мая 2018 г. подчеркнул важность последовательного следования альянса в русле договоренностей, достигнутых в ответ на требование Вашингтона - о повышении европейского оборонного вклада (до 2% ВВП) и вклада НАТО в коалиционную борьбу с международным терроризмом. Приветствуя усилия генсека в решении этих задач и прогресс, продемонстрированный альянсом, Трамп выступил с жесткой критикой в адрес Германии, которая, претендуя на европейское лидерство, не выполняет своих обязательств: «В частности, Германия должна продемонстрировать лидерство в Альянсе путем решения давно назревшей проблемы дефицита ее оборонного вклада. Германия не внесла тот вклад, который должна была внести, и она очень большой бенефициар [коллективной безопасности – авт.] - и, если честно, намного больший, чем Соединенные Штаты».² При этом Германия стала адресатом политической атаки Трампа не только как «отстающий европейский лидер» НАТО, но и как показательный пример крайней неудовлетворенности Вашингтона его отношениями с Евросоюзом, который является «ужасным» торговым партнером США, и сохранение Евросоюзом торговых барьеров обернулось потерей Соединенными Штатами 151 млрд долларов в 2017 году. Поэтому понятно, что давление на европейских союзников рассматривается в США не только как линия перестройки НАТО в соответствии с американской повесткой и интересами, но и как действенный инструмент укрепления американских позиций в широком контексте трансатлантических отношений и конкуренции США – ЕС.

Наряду с европейцами, геополитическими целями атаки США стали и страны-гаранты астанинского процесса по Сирии. Прежде всего, Вашингтон торпедировал сам астанинский процесс, удерживая европейцев от поддержки усилий России-Турции-Ирана и стремясь спровоцировать раскол внутри «тройки». «В результате этих ударов были разделены Россия и Турция. Турция осудила химическую атаку и поддержала операцию, которую мы прове-

1 NATO Secretary General announces dates for 2018 Brussels Summit. Press release (2017) 149. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/news_147856.htm?selectedLocale=en

2 Statements by NATO Secretary General Jens Stoltenberg and US President Donald Trump in the Cabinet Room at the White House. 17 May 2018. URL: https://www.nato.int/cps/ru/natohq/opinions_154819.htm

Научно-аналитический вестник ИЕ РАН, 2018, №2

ли», — сказал Макрон в эфире телеканала BFMTV.¹ Впоследствии США «закрепили успех», выйдя из ядерной сделки с Ираном.

В итоге в сделке «мы за вас, а вы с нами», которую Трамп предложил партнерам в евроатлантическом консорциуме, он в очередной раз побеждает. Европа, уставшая от Трампа, его «непредсказуемости» и политических провокаций, вынуждена подстраиваться и подстраховываться «от худшего».

Мотивы Трампа и вероятные последствия

Эта победа крайне важна для Трампа по многим причинам. Первая и очевидная – укрепление позиций во внутривластном раскладе США. Демонстрация того, что его “*America first*”, несмотря и вопреки европейскому сопротивлению, вполне успешна и работает на Америку, расширяет поле его прагматичного взаимодействия с различными группами интересов в американском истеблишменте. Очередная кадровые перестановки в администрации президента уже выглядят не как слабость, а как последовательная жесткость. То, как Трамп перестраивает свою команду «под себя», вполне устраивает и его сторонников, и противников. Его сторонники видят в его «бескомпромиссности» жесткое отстаивание заявленной программы и политических целей (несмотря ни на что); противники удовлетворены укреплением силовой составляющей его внешней политики, в том числе с приходом новых фигур (госсекретарь М. Помпео, советник по нацбезопасности Дж. Болтон, директор ЦРУ Дж. Хаспел), и, в то же время, неустойчивостью «команды поддержки» Трампа в преддверии нового электорального цикла.

Однако долгосрочные результаты геополитического наступления Трампа не столь очевидны, как его нынешние эффекты. Вынуждая европейцев встраиваться в рамки политики американской администрации, Трамп одновременно может столкнуться с усилением европейского сопротивления. Выход из СВПД создает критическую массу трансатлантических противоречий, которая может заставить европейцев пойти на большую жесткость в отстаивании своих интересов. И Европа, приняв решение сохранить СВПД несмотря на односторонний выход США, уже по существу обозначает пределы своего трансатлантического «согласия». Жесткость Вашингтона в отношениях с союзниками может заставить их постепенно сдать позиции и в очередной раз последовать за лидером, признавая отсутствие действенных инструментов «стабилизирующего влияния» и укрепления своей самостоятельности – либо, напротив, Европа/ЕС сделает выбор в пользу укрепления самостоятельности и противодействия политике американской администрации, тем более в перспективе не столь отдаленного нового электорального цикла в США. Достаточно вспомнить итоги «бульдозерной политики» Дж. Буша – младшего, который к окончанию своего президентского срока столкнулся с беспрецедентной критикой со всех направлений – и внутри страны, и извне. Тогда, напри-

¹ Макрон рассказал, что разделило Россию и Турцию. – РИА Новости, 16.04.2018. URL: <https://ria.ru/syria/20180416/1518704996.html>

мер, его давление на партнеров с целью продавить предоставление Грузии и Украине План для членства в НАТО на Бухарестском саммите в апреле 2008 г. дало прямо противоположный эффект: европейские лидеры Германия и Франция заблокировали принятие такого решения.

Syria: the Geopolitical Alchemy

Author. Danilov D.A. The head of the Department of the European security of the Institute of Europe, Russian Academy of Sciences.

Abstract. The article examines objectives of the military attack undertaken by the US, Britain and France on Syria on April 14, 2014, under the pretext of responding to the use of chemical weapons by the "Assad regime" in Eastern Ghouta. The political goals and motivations of the military action are analyzed in the context of visible and possible consequences not only for the Syrian settlement process, but rather in a broad geopolitical context. Particular attention is paid to "dilemmas of strategic partnership" between the US and Europe and the growing contradictions within the framework of transatlantic relations.

Key words: *Syria, military attack, USA, Trump, EU, Germany, Russia, transatlantic relations.*

DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/vestnikieran2201831>